

УДК 82. 0. 82. (091)
DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-56-62

ОБРАЗ И МОТИВ ВРЕМЕНИ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1940-Х ГОДОВ («СКАЗКА О ПОТЕРЯННОМ ВРЕМЕНИ» Е. ШВАРЦА, «ГОРЯЧИЙ КАМЕНЬ» А. ГАЙДАРА, «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ» С. МАРШАКА)

А. А. Кудряшова¹, О. Ю. Саленко²

¹ Московский городской педагогический университет, Москва

² Литературный институт им. А. М. Горького, Москва

Введение. В истории отечественной детской литературы период 1940-х гг. характеризуется пристальным вниманием к образу и мотиву времени. Во-первых, мотив времени является универсальным и общим, отражающим «стиль эпохи» (Ю. И. Минералов), во-вторых, яркие писатели (А. Гайдар, С. Маршак и Е. Шварц), осмысливая феномен и проблемы времени, представляют образы времени в соответствии со своими индивидуальными стилями.

Индивидуальный стиль писателя привлекает прежде всего отражением идей, характерных для социально-го и культурного контекста исторического периода. «Внутренняя форма» (А. Потебня) художественного произведения представляет своеобразный образ «образа времени», именно поэтому было важным взять произведения, близкие по времени написания, для рассмотрения их на синхронном срезе начала сороковых годов XX в. В результате сравнительного анализа проявились общие идеологемы эпохи, отраженные в индивидуальных стилях указанных авторов, что определяет актуальность представленной работы.

Целью исследования стало сопоставление сюжетов и систем образов в контексте образно-ассоциативных традиций детской литературы сороковых годов XX в.

Материал и методы. Методологическая база исследования – труды о внутренней форме А. А. Потебни, о стиле П. Н. Сакулина, Ю. И. Минералова. В определении биографического времени мы обратились к теории В. Е. Хализева, в определении мотива – к работе «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского. Методы исследования: сравнительно-типологический, исторический.

Результаты и обсуждение. Новизна работы заключается в выявлении стилевых доминант образа и мотива времени в указанных произведениях на уровне сюжетосложения, системы персонажей, отдельного приема – внезапного изменения возраста героев, выявлении роли образа и мотива времени в качестве стилевых доминант на уровне проблематики, системы персонажей, сюжетосложения и отдельных приемов, а также образной системы в указанных произведениях. Теоретическая значимость работы – использование материалов исследования при чтении курсов «Детская литература», «Введение в литературоведение». Практическая значимость работы реализуется в разработке семинаров по изучению творчества А. П. Гайдара, С. Я. Маршака и Е. Л. Шварца, а также для практических занятий по курсу «Теоретические основы читательской деятельности».

Заключение. Результаты исследования заключаются в убедительном выявлении типологического сходства образа и мотива времени в детской литературе 40-х гг. Вместе с тем прослеживается типологическая вариативность в индивидуальных стилевых решениях А. П. Гайдара, С. Я. Маршака, Е. Л. Шварца.

Ключевые слова: образ и мотив времени, внутренняя форма, индивидуальный стиль, стиль эпохи, стилевые доминанты, биографическое время, сюжет, детская литература.

Введение

Образ и мотив времени являются центральными понятиями в современном литературоведении. В литературе 1940-х гг. время как центральное понятие объединяет содержательный и формальный уровень в произведении.

В определении образа и мотива времени мы стремимся к достижению филологической точности, суть которой, по мнению Ю. И. Минералова, заключается в соположенности анализа «внутренней формы, контекста, авторского стиля, образно-ассоциативных традиций» [1, с. 27].

Писательский индивидуальный стиль интересен прежде всего преломлением общих идей, характерных для своего социально-культурного контекста, определяющих мировоззрение истори-

ческого времени. Вместе с тем стиль – это личность и мировоззрение конкретного автора, воплощенные в художественном произведении. Как пишет Ю. И. Минералов, «личный стиль воплощает особый ход мысли, присущий данному автору, особый ход художественных ассоциаций» [1, с. 20].

Внутренняя форма произведения, образ «образа времени» любопытны как феномен. По мнению Ю. И. Минералова, именно она «составляет основу индивидуального стиля <...> Творя «образ образа», художник и делает уникальными «обычные» идеи», «общераспространенные» формы их выражения» [1, с. 306]. Другая особенность внутренней формы произведения, на которую указывает известный филолог, состоит в ее изменчивости и текучести в социальном и историко-литературном

контексте. Таким образом, задача современного исследователя – постараться указать на исходную «идею времени» и предложить свою трактовку ее преломления в своеобразных индивидуально-стилевых решениях разбираемых художественных произведений.

Мы руководствуемся точкой зрения А. Н. Веселовского, который определял мотив как простейшую повествовательную единицу [2, с. 306], кроме того, нам важно отметить определяющую роль мотива времени в движении сюжета произведений, отобранных для анализа. Под образом мы понимаем складывающуюся в процессе развертывания произведения художественно оформленную мысль или представление писателя, отражающую индивидуальный стиль автора во всех элементах. В понимании «внутренней формы» произведения мы разделяем точку зрения Ю. И. Минералова [1, с. 253–273].

В сороковые годы писатели по-своему продолжили тенденцию авторов разных направлений начала XX в. (А. Блока, В. Маяковского, В. Ходасевича и др.) рассматривать творчество писателя в его нерасторжимой связи со временем, сакрализации времени, особого внимания к осмыслению движения времени.

Мотивы и образы времени получили своеобразное воплощение в новых стилиевых решениях, где место индивида рассматривалось в его тесном взаимоотношении с социумом и историей страны.

Результаты и обсуждение Образ и мотив времени

Рассматриваемые произведения пишутся в небольшой промежуток времени: концепция «Сказки о потерянном времени» Евгения Шварца была создана в 1940 г.; Аркадий Гайдар публикует рассказ-притчу «Горячий камень» в 1941 г.; Самуил Маршак заканчивает драматическую сказку «Двенадцать месяцев» в 1943 г., тогда же пишется и прозаический вариант «славянской сказки». Сказки Шварца и Маршака, в авторском определении жанра, изначально ориентированы для постановки на сцене.

В сказке Шварца прочтение образа времени созвучно стилиевой идеологической доминанте эпохи. Ключевой образ времени имеет многомерный философский смысл, в том числе время сакрализуется. В плане развития действия борьба за него становится, с одной стороны, сюжетообразующим элементом, а в идейном плане образ-идея времени, наполненного пользой и общественно значимым делом, становится метафорой счастья и гармоничной жизни. Подробный анализ образа времени в сказке Е. Шварца с точки зрения жанрообразова-

ния предпринят в статье И. Г. Минераловой и С. В. Москаленко [3].

Потеря героем своего личного времени завязывает конфликт и сначала обуславливает его отставание по школьным предметам, а затем и выпадение из учебы как обязанности и коллективной деятельности: «Учился он <...> и все время отставал, и по русскому письменному, и по арифметике, и даже по пению». В результате маленький герой приходит и к выпадению из жизни страны: «Жизнь кругом так и кипит. Один он, Петя, отстал, опоздал, не успел, ни на что не годен, никому не нужен» [4]. Прием логической градации автор завершает выводом-приговором всей жизни героя, причем Шварц делает это на доступном для своего читателя уровне, обыгрывая омонимичную пару «отставать по предмету» – «отставать по времени».

В сказке органично соединяются основные черты фольклорного сказочного жанра и авторские решения. Сказочное двоемирие, деление хронотопа на свой/чужой, борьба добра/зла, сказочный зачин «Жил-был мальчик...», волшебное превращение сочетается с бытовой конкретикой хронотопа (третий класс четырнадцатой школы, техничка тетя Наташа и проч.). Внезапное превращение школьника в старика вводит сначала временной сказочный пласт, а позже и пространственный, в реалистическое повествование. Внутренний монолог героя раскрывает, с одной стороны, драматизм конфликта, с другой, демонстрирует социальную значимость учебы, которую внезапно осознает Петя: «А кому я нужен, когда я всего только ученик третьего класса? Мне даже и пенсии не дадут: ведь я всего только три года работал. Да и как работал – на двойки да на тройки. Что же со мною будет? Бедный я старик! Несчастный я мальчик? Чем же все это кончится?» [4].

Впервые вместе с критичным и рациональным отношением к феномену времени в монологе всегда отстающего Пети автор представляет и соответствующий образ-переживание времени, герой «не теряя напрасно времени, прячась за деревьями и кустами, побежал, помчался в город искать стариков-школьников». Его энергичность и стремительность раскрываются сочетанием «не теряя напрасно» и глаголами движения «побежал», «помчался».

Автор предлагает читателю включиться в игру и вместе с героем разгадать загадку и найти «молодых стариков, старых детей», для которых время также не имеет ценности. Первая старушка выковыривает изюм из ситного хлеба, читает «Пионерскую правду» и играет в мячик. Другую старушку он вычисляет по игре в классики. Третий «старичок» появляется висющим на «колбасе» трамвая, его «шапка лихо надвинута на ухо, борода развевается по ветру» [4].

В разрешении сказочного конфликта явно прослеживаются стилевые доминанты исторического времени написания сказки. Наряду с традиционным сказочным мотивом (магическим действием – переводом часов) герой должен пройти испытание, которое предлагает автор: дети, выпавшие из общей социальной жизни, должны создать свой маленький коллектив, чтобы совместным усилием вернуться в потерянную жизнь страны. На наш взгляд, в сказке Шварца нет традиционной сказочной инициации, но есть заменяющая ее социализация.

Сказка заканчивается дидактическим наказом: «Они-то спаслись, но ты помни: человек, который понапрасну теряет время, сам не замечает, как стареет» [4].

В рассказе Гайдара реалистическое повествование тоже соединяется с фантастическим: «Ниже стояла печать, но не простая, круглая, как в сельсовете, и не такая, треугольником, как на талонах в кооперативе, а похитрее: два креста, три хвоста, дырка с палочкой и четыре запятыя» [5]. Так, перед появлением основного сказочного элемента – волшебного камня – автор вводит элемент загадочного в повествовании. Чудесный предмет дается глазами мальчика, который сравнивает таинственную печать с печатями из своей повседневной жизни. Отсюда начинается «сказываться сказка», завязывается сказочная интрига. Образ времени является основным в раскрытии идеи произведения. Согласимся с тезисом И. Г. Минераловой, что сказочная форма помогает разрешить философскую дилемму. «В ней, собственно, нет ничего сказочного, кроме волшебного камня (волшебного средства), которым никто и не воспользовался» [6, с. 173], зато мы узнаем главное – историю ценности жизни, все время которой наполнено смыслом служения Родине. «И на что мне иная жизнь? Другая молодость? Когда и моя прошла трудно, но ясно и честно!» [5]

Переживание заново своей жизни для деда оказывается просто невозможным, оно может лишь обесценить его личную жизнь: «Вот идет молодой дурак! Не сумел он, видно, одну жизнь прожить так, как надо, не разглядел своего счастья и теперь хочет тоже начинать сначала» [5]. Отношение деда к такой возможности дано однозначно просторечной лексемой «дурак». Мысль философской сказки Гайдара несомненно перекликается с идеями Н. Островского из романа «Как закалялась сталь» (1932): «Она [жизнь] дается ему [человеку] один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое <...>. И надо спешить жить <...> Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной (курсив наш. – А. К., О. С.)». И у Гайдара, и у Островского подчеркнута важность

жизни, прожитой не для своего эгоистического интереса, а ради других, вместе со страной. Авторское стилевое своеобразие произведения тесно связано со стилевыми доминантами эпохи времени его написания: невозможность и, что главное, бессмысленность, бесполезность поворота времени вспять.

В сказке «Двенадцать месяцев» образ и мотив времени также находит индивидуальное стилевое воплощение.

Хотя в письме Ст. Рассадину С. Маршак пишет о чешских и богемских мотивах, положенных в основу сказки-пьесы [7], но и самому автору, по словам М. Л. Гаспарова, было свойственно особое отношение ко времени, более того, этот мотив может считаться устойчивым для его стиля, так как появляется у него во всех жанрах. Например, в стихотворении С. Маршака «На всех часах вы можете прочесть...», в варианте 1950 г. читаем: «И счастлив я, что жребий выпал мне / В такое время жить в такой стране, / Когда, как стрелки в полдень, слиты вместе / Веленья нашей совести и чести» [8, с. 411]. Отметим, с одной стороны, это особое чувство сопричастности поэта к жизни страны, перекликающееся в разной степени с чувствами героев Гайдара и Шварца. С другой, любопытно, что именно образ часов (времени), выбранный для сравнения, становится проводником ощущения лирического героя. Исследователь считает значимым для понимания творчества Маршака тот факт, что он «так безотказно писал для газет и журналов стихи к каждому Новому году, потому что Новый год – это и есть место стыка очень малой и очень большой мерки времени» [8, с. 411].

В источнике замысла С. Маршака, богемской (чешской) легенде, представление о которой мы можем получить по ее переложению «О двенадцати месяцах» Божены Немцовой [9], падчерицу отправляют в лес в январе за фиалками, то есть за несбыточным, на верную смерть, как и в русской народной сказке «Морозко» (№ 95), где мачеха отправляет падчерицу зимой в лес «замуж за Морозко» [10, т. 1, с. 113–115]. Мотив личной игры со временем появляется только в сказке С. Маршака: Принцесса не просто желает подснежников, она хочет нарушить ход времени по своей личной прихоти. Таким образом, он становится одним из сюжетообразующих в новогодней сказке Маршака.

Обратим внимание, что покорение времени и пространства, цветение сада наперекор стихии – мотивы, отражающие идеологемы эпохи, которые, в свою очередь, являются для времени написания сказки идеологическими доминантами. Принципиальное отличие кроется в мотивации: для Принцессы – ускорение времени – это ее эгоистическое капризное хотение. Такая точка зрения на сказку

С. Маршака не менее интересна, чем развитие автором народной сказочной традиции.

Биографическое время

Рассмотрим образ времени в избранных произведениях в ином ракурсе: в «Сказке о потерянном времени» автор акцентирует происходящую в персонажах трансформацию биографического времени (В. Хализев) [11]: мальчик – старик.

Волшебные старики в сказке Шварца проявляют себя как антиподы добра. Вместо стариков-ветеранов, которые соединяют историю с будущим, передавая опыт молодому поколению, старики стараются занять место детей. Они не просто крадут у них время, а в символическом плане пытаются лишиться будущего не только разгильдяев-школьников, но и замахиваются на будущее страны.

Сравним со схожим мотивом превращения мальчика в старика в повести-сказке «Старик Хоттабыч» Л. Лагина (1938). Оговоримся, что в задачу данного исследования не входит анализ нескольких редакций повести. Волька с отросшей бородой не взрослеет в результате этого чуда так же, как и героиня Е. Шварца. В произведении Лагина поступательно и наглядно демонстрируется бесполезность чудес Хоттабыча и даже неудобства, связанные с необходимостью избавления от их результатов, например, от бороды, что и показывает автор через ряд комических эпизодов. Старик Хоттабыч не вписывается в советское общество со своим колдовством и не справляется, по замыслу автора, с ролью чудесного помощника и дарителя в повести-сказке. Напомним, что согласно классификации В. Я. Проппа роль дарителя в традиционной волшебной сказке принадлежит человеку старшего поколения, приближающего героя к заветной цели [12]. Так, в сказке «Перышко Финиста ясна сокола» (№ 234–235) «старенькой старичок» действительно помогает отцу Марьюшки получить заветное перышко [13, т. 1, с. 190–198], а в сказке «Царевна-лягушка» (№ 269) тот же персонаж одаривает Ивана-царевича волшебным клубочком [14, т. 2, с. 264–267].

Сопоставляя биографическое время в сказке Шварца с произведениями Гайдара, мы отмечаем привлекающую внимание переключку: в повести «Тимур и его команда» (1940) среди персонажей тоже можно найти юного старика: это театральным образом чудаковатого старика, создававшего новое государство и теперь стоящего на его страже, воплощает дядя Тимура в опере. Его сценический образ всегда на страже, он готов предупредить об опасности и первым встретить ее: «Я третью ночь не сплю в ночном дозоре. / Ползут в тиши враги. Не спи, моя страна! / Я стар. Я слаб. О, горе мне... о, горе!» [5]. Этот образ, с одной стороны, напол-

нен юмором, с другой, несет в себе стиливую доминанту эпохи – образ-идею сакральности времени, переживаемого стариком.

В «Горячем камне» биографическое время представлено парой героев: мальчик и покалеченный старик. Обратим внимание, что дед в «Горячем камне» «не по годам сед». Автор опять углубляет образ старшего героя, делая его двуплановым: в нем совмещается его наполненная событиями жизнь в истории страны и физический возраст. Автор именует героя «дедом» и «стариком», подчеркивая в образе составляющую опыта и наставничества. Если у Шварца происходит трансформация мальчика в старика, то у Гайдара она может пойти в обратную сторону: Ивашка предлагает деду начать его жизнь сначала из сострадания: «Он стар, одинок, избит, изранен и счастливой жизни, конечно, никогда не видел». Градация в восприятии деда мальчиком усиливает лирический пафос повествования. Гайдар выстраивает ответ старика при помощи градации и лексического повтора: «Ты, конечно, думал, что я стар, хром, уродлив и несчастен <...> А на самом деле я самый счастливый человек на свете» [5]. Старик обращает свою внешне заметную физическую ущербность в полноту бытия и сопричастность к трудному становлению государства. В кульминации тон и пафос повествования меняются: параллельные противопоставления, хиазм, градация и анафоры, а также эмоционально окрашенная лексика и символические детали создают ощутимый ритм повествования, делают прозу лиро-эпической. Старик передает юнцу свой жизнестроительный опыт напрямую, минуя поколение отцов. Далекое для Ивашки, легендарное прошлое оживает в рассказе деда и становится былью. В индивидуальном стиле Гайдара национальное становится над личным и родовым в вопросах истории страны.

В заключение отметим, что образ и мотив времени находит также яркое воплощение и в зарубежной детской литературе XX в. Впервые на переключку в понимании образа времени в отечественной и немецкой литературной традиции обратила внимание И. Г. Минералова [15, с. 482–484]. На наш взгляд, обращение к немецкой сказочной повести «Момо» М. Энде раскрывает интересные параллели философского осмысления феномена времени с детской отечественной литературой 40-х гг. Подобно отечественной трактовке, у Энде идейный замысел образа времени также является наиболее значимым и ценностным понятием. Аксиологическая идея времени становится мотивом – двигателем сюжетосложения сказочной повести. Мотив времени определяет сюжетосложение: завязку, конфликт, развязку повести. Такая стиливая доминанта в раскрытии центрального художест-

венного образа и мотива времени, согласно трактовке стиля П. Н. Сакулина, убедительно свидетельствует о сближении немецкой сказочной повести второй половины XX в. с произведениями детской литературы 40-х гг. XX в. Героине сказочной повести «Момо» (1972), подобно Пете Зубову из сказки Е. Шварца, предстоит вернуть украденное время. В повести немецкого писателя Михаэля Андреаса Гельмута Энде образ и мотив времени также являются сюжетообразующим элементом, однако, в отличие от сказки Е. Шварца, время крадут не злые старики-волшебники, а обезличенные и безвозрастные Серые господа – агенты времени, которые убеждают людей, что их «жизнь гроша ломаного не стоит». «За сказочной повестью и сюжетной коллизией проступает социальный памфлет, который актуализирует проблему времени как современный кризис общества и культуры в целом» [16, с. 77]. Возвращение людям времени и его смысла доверено в повести ребенку – десятилетней девочке Момо. Отметим еще один аспект типологического сближения повести «Момо» с рассматриваемыми произведениями русской советской литературы для детей 1940-х гг.: в системе персонажей повести есть пара ребенок и старик, Момо и Беппо, единственный взрослый персонаж, кто не предает героиню.

Заключение

В истории детской литературы период 40-х гг. XX в. выделяется пристальным вниманием крупных писателей к образу и мотиву времени. Это становится, с одной стороны, универсальным мотивом и отражением «стиля эпохи» (Ю. И. Минералов) [1, с. 17], с другой стороны, большие писатели (А. П. Гайдар, С. Я. Маршак, Е. Л. Шварц) находят индивидуальные стилевые решения, мотивы, обра-

зы, приемы в художественном осмыслении феномена времени.

В разных индивидуальных стилях общий мотив и образ времени реализуются своеобразно. У Гайдара образ старика является неотъемлемой составляющей системы образов, а также играет ключевую роль в раскрытии образа времени. В рассмотренных произведениях Гайдар подчеркивает исключительную важность передачи не просто жизненного, а жизнестроительного опыта от старых к юным. Можно утверждать, что мотив передачи такого опыта является лейтмотивным в творчестве Гайдара.

По противоположности старики в сказке Шварца наделены разрушительной злой волшебной силой, которой может противостоять лишь коллектив, живущий в реальности и, что исключительно важно, «в ногу» со своим временем.

В драматической сказке Маршака индивидуалистическая попытка принцессы управлять временем выставлена не только в негативном свете, но и выглядит подчеркнута бессмысленной и абсурдной.

Мотив и образ времени раскрываются в рассмотренных произведениях в традиционном для детской литературы соединении художественного и дидактического начала. Стилиевое сближение произведений Шварца и Гайдара воплощается в сюжетобразующей роли биографического времени. Детство и старость – ключевые этапы, отражающие в символическом плане начало и финал жизни человека, реализуются в системе персонажей рассмотренных произведений устойчивой парой: ребенок – старик. Смена эпох и поколений, передача опыта, крупные события в жизни общества и индивидуума раскрывают неразрывную связь стилевых доминант произведений с историческим временем и социальной практикой.

Список литературы

1. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: Владос, 1999. 360 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. 649 с.
3. Минералова И. Г., Москаленко С. В. Образ времени в литературных сказках Е. Шварца, М. Энде и Н. Щербы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Электронный журнал. URL: <https://science-education.ru/> (дата обращения: 30.08.2018).
4. Шварц Е. Л. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2017. 1131 с.
5. Гайдар А. П. Собрание сочинений. URL: http://az.lib.ru/g/gajdar_a_p/ (дата обращения: 01.09.2018).
6. Минералова И. Г. Детская литература: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. 333 с.
7. Маршак С. Я. Письмо С. Я. Маршака С. Б. Рассадину (письмо № 392. «Нижняя Ореанда»), 27 июня 1963 г. // Собр. соч.: в 8 т. М.: Худ. литература, 1972. Т. 8. С. 477–481. Дата обращения: 31 августа 2018 г.
8. Гаспаров М. Л. Маршак и время // О русской поэзии. СПб.: Азбука, 2001. С. 410–430.
9. Немцова Б. О двенадцати месяцах. М.: Качели, 2018. 24 с.
10. Морозко: № 95 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 1. 1984. С. 113–115.
11. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Academia, 2013. 432 с.
12. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт–Пресс, 2003. 144 с.
13. Перышко Финиста ясна сокола: № 234–235 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 2. 1985. С. 190–198.

14. Царевна-лягушка: № 269 // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М.: Наука, 1984–1985. (Лит. памятники). Т. 2. 1985. С. 264–267.
15. Энде М. Зарубежные детские писатели в России: библиографический словарь / под общ. ред. И. Минераловой. М.: Флинта, 2005. С. 482–484.
16. Саленко О. Ю., Кудряшова А. А. Особенности стиля сказочной повести «Момо» М. Энде // *Мировая словесность для детей и о детях*. Вып. 12. М.: МПГУ, 2007. С. 69–78.

Кудряшова Александра Артуровна, доктор филологических наук, доцент, профессор, Московский городской педагогический университет (Столярный пер. 16, Москва, Россия). E-mail: alekshvan@yandex.ru

Саленко Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, Литературный институт им. А. М. Горького (Тверской бульвар, 25, Москва, Россия). E-mail: olga_sal@mail.ru

Материал поступил в редакцию 29.10.2018.

DOI 10.23951/1609-624X-2019-6-56-62

IMAGE AND MOTIF OF TIME IN CHILDREN'S LITERATURE OF THE EARLY 1940-IES (*THE TALE OF LOST TIME* BY E. SCHWARTZ, *THE HOT STONE* BY A. GAIDAR, *TWELVE MONTHS* BY S. MARSHAK)

*A. A. Kudryashova*¹, *O. Yu. Salenko*²

¹ *Moscow City University, Moscow, Russian Federation*

² *Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation*

Introduction. In the history of Russian literature for children, the period of 1940s is distinguished by the thorough attention to the image and motif of time by major writers. It becomes, on the one hand, the universal motive and reflects “the style of epoch” (Yuri Mineralov), on the other hand, great writers – Arkady Gaidar, Samuil Marshak, Evgeny Schwarz – present their artistic understanding of the time phenomenon in their individual styles, motives, images, techniques.

The “inner form” (Aleksandr Potebnya) of an artistic work, that image of the “image of time” is interesting as a phenomenon. As a result of the comparative analysis, general and peculiar stylistic features, which represent the image of time in individual styles of the specified writers, were revealed. It was important to take works that are close in time of writing and analyse them in a synchronic perspective: all selected works are written in the range of 1941–43.

As a result of the comparative analysis, the general ideology of the era reflected in the individual styles of these authors was manifested, that determines the relevance of the presented work.

The *aim* of the study is to compare the plots and systems of images in the context of images and associative traditions of literature for children in 1940es.

The novelty of the work lies in the convincing identification of stylistic dominants of the image and motif of time in these works at the level of plot, system of images, a particular technique – a sudden change in the age of the characters.

Material and methods. The methodology of the study is based on the works on “inner form” by Aleksandr Potebnya and works on style by Pavel Sakulin, Yuri Mineralov. In the definition of biographical time, we follow Valentin Halizev, in determining the motive we follow the work of “Historical poetics” by Aleksandr Veselovsky.

Research methods: comparative-typological, historical.

The theoretical significance of the work realises in the use of research materials in “Literature for Children”, “Introduction to literary studies” academic courses.

The practical significance of the work is implemented in material for seminars for the study of A. P. Gaidar, Marshak and E. L. Schwartz works, and also for “Theoretical basis of the readers’ activities” practical classes on course.

Results and discussion. The results of the study lead to the identification of typological convergence of the image and motive of time in the literature for children of the 1940s. However, one can trace the typological variation in individual styles of A. P. Gaidar, S. Ya. Marshak, and E. L. Schwartz.

The Gaidar’s image of an old man is an integral part of his customary system of images, and it also plays a key role in the revealing of the image of time. In the works we have reviewed, Gaidar emphasizes the exceptional importance of transferring not just life, but life-building experience from the old to the young. It can be stated that the transfer of such experience motif is the leitmotif in the works of Gaidar (See *Timur and His Team* and *The Hot Rock*).

On the contrary, the old men in *The Tale of Lost Time*, a story about Schwartz, are endowed with destructive evil magic power that can only resist the team of schoolchildren living in reality and, what is most important, catching up with their time.

In the dramatic tale *The Twelve Months* by S. Marshak, the Princess’s individualistic attempt to control and speed up time is exposed not only negatively, but at the same time it looks pointedly senseless and absurd.

Conclusion. In the reviewed works the motif and image of time are disclosed in the combination of art and didactics, what is considered traditional feature for literature for children. The stylistic convergence of the works by E. Schwartz and A. Gaidar is embodied in the plot-forming role of biographical time. The key stages, such as childhood and senility, reflect the symbolic plan of the beginning and the end of life. The change of epochs and generations, the transfer of social experience, major events in the life of society and individuals reveal the inextricable link between historical, social and creative levels.

Keywords: *image and motif of time, style dominants, inner form, individual style, style of the epoch, biographical time, plot, literature for children.*

References

1. Mineralov Yu. I. *Teoriya khudozhestvennoy slovesnosti* [Theory of Creative Writing Art]. Moscow, Vados Publ., 1999. 360 p. (in Russian).
2. Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1940. 649 p. (in Russian).
3. Mineralova I. G., Moskalenko S. V. *Obraz vremeni v sovremennykh skazkakh E. Schwartz, M. Ende i N. Scherby* [The Image of Time in the Literary Tales by E. Schwartz, M. Ende and N. Scherba]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education*, 2015, no. 2 (in Russian). URL: <https://science-education.ru/> (accessed 30August 2018).
4. Shvarts E. L. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete collection of works in one volume]. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2011, 1136 p. (in Russian). URL: <https://fantlab.ru/edition61393> (accessed 1 September 2018).
5. Gaydar A. P. *Sobraniye sochineniy* [Collected Works] (in Russian). URL: http://az.lib.ru/g/gajdar_a_p/ (accessed 1 September 2018).
6. Mineralova I. G. *Detskaya literatura: uchebnik i praktikum dlya bakalavriata* [Literature for Children: textbook and workbook for bachelors]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 333 p. (in Russian).
7. Marshak S. Ya. Pis'mo S. Ya. Marshaka S. B. Rassadinu (pis'mo no. 392 "Nizhnyaya Oreanda"), 27 iyunya 1963 g. [Letter from S. Ya. Marshak to S. B. Rassadin (letter No. 392. "Lower Oreanda", June 27, 1963)]. *Sobr. soch.: v 8 t. T. 8* [Collected Works in 8 volumes. Vol. 8]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. Pp. 477–481 (in Russian).
8. Gasparov M. L. *Marshak i vremya* [Marshak and the time]. *O russkoy poezii* [On Russian poetry]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2001, pp. 410–430 (in Russian).
9. Nemtsova B. *O dvenadtsati mesyatsakh* [On the twelve months]. Moscow, Kacheli Publ., 2018. 24 p. (in Russian).
10. Morozko: № 95 [Grandfather Frost]. *Narodnye russkiye skazki A. N. Afanas'yeva: v 3 t. T. 1* [Russian folk tales collected by A. N. Afanas'yev: in 3 volumes. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1984. Pp. 113–115 (in Russian).
11. Khalizev V. E. *Teoriya literatury* [Theory of Literature: textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2013. 432 p. (in Russian).
12. Propp V. Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [The morphology of fairy tale]. Moscow, Labirint-Press Publ., 2003. 144 p. (in Russian).
13. Peryshko Finista yasna sokola: №234–235 [The Feather of Finist the Falcon]. *Narodnye russkiye skazki A. N. Afanas'yeva: v 3 t. T. 2* [Russian Folk tales collected by A. N. Afanas'yev: in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1985. Pp. 190–198 (in Russian).
14. Tsarevna-lyagushka: no. 269 [Tsarine The Frog]. *Narodnye russkiye skazki A. N. Afanas'yeva: v 3 t. T.2* [Russian Folk tales collected by A. N. Afanas'yev: in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1985. Pp. 264–267 (in Russian).
15. Ende M. *Zarubezhnye detskiye pisateli v Rossii*. Pod obshch. red. I. Mineralovoy [Foreign writers for children in Russia. General editor I. Mineralova]. Moscow, Flinta Publ., 2005. Pp. 482–484 (in Russian).
16. Salenko O. Yu., Kudryashova A. A. *Osobennosti stilya skazochnoy povesti M. Ende "Momo"* [Stylistic Features of "Momo", the fairy story By M. Ende]. *Mirovaya slovesnost' dlya detey i o detyakh*, 2007, no.12, pp. 69–78 (in Russian).

Kudryashova A. A., Moscow City University (per. Stolyarnyy, 16, Moscow, Russian Federation, 123022).
E-mail: alekshvan@yandex.ru

Salenko O. Yu., Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Tverskoy bul'var, 25, Moscow, Russian Federation, 123104). E-mail: olga_sal@mail.ru